

28. Статистический ежегодник России, 1914 г. Пг. : ЦСК МВД, 1915. 914 с.
29. Статистический ежегодник, 1921. М. : ЦСУ РСФСР, 1922. 921 с.
30. Статистический справочник по аграрному вопросу. М. : ЦСК МВД, 1917. Вып. 1/2. 719 с.
31. *Тренин-Петушков И. Г.* Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М. : Статистика, 1970. 197 с.
32. Три года борьбы с голодом : краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1918—1920. М. : Наркомпрод, 1920. 192 с.
33. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М. : ЦСУ РСФСР, 1923. 923 с.
34. *Фоменко Б. П.* Медицинский отчет петроградских родильных приютов на 1917 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1925. Т. 36, № 3. С. 2—59.

ББК 63.3(2)61-284.3

О. М. Долидович

ЖЕНОТДЕЛЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921—1930 гг.

Женотделы РКП(б) стали центральным пунктом новой гендерной модернизации, реализуемой советской политической системой. Это была уникальная структура, не имевшая аналогов в других странах. Современные исследователи рассматривают реформы Советской России 1920—1930-х гг. в сфере гендерных отношений как результат влияния и продолжение традиций дореволюционного феминистского движения [3, 10, 11]. Американский историк Р. Стайтс справедливо отметил, что женотделы фактически осуществляли социальную революцию в стране [7, с. 464—466].

Изучение деятельности женотделов на региональном уровне имеет важное значение, поскольку помогает увидеть особенности эмансипации женщин первого десятилетия советской власти в социально-экономическом контексте развития страны.

Отделы по работе среди женщин начали создаваться в 1919 г. на базе комиссий агитации и пропаганды среди рабочих и крестьянок при Центральном и местных комитетах РКП(б). А. М. Коллонтай, возглавлявшая Женотдел при Центральном комитете партии в 1920—1922 гг., видела их задачи в том, чтобы воспитывать работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлекать женские массы в советское правительство, а также решать такие вопросы, которые либо вытекают из особенностей женского пола (например, материнство, охрана женского труда, законодательство по вопросу аборта), либо связаны с неравноправным положением женщин (например, проституция) [4, с. 311].

В Енисейской губернии в течение 1921 г. были созданы отделы по работе среди женщин в Красноярском, Енисейском, Минусинском, Канском и Ачинском уездах при каждом уездном комитете партии, а также губернский женотдел. Однако женотделы существовали лишь формально из-за того, что губерния еще жила в условиях Гражданской войны. Политика военного коммунизма вызвала волну крестьянских восстаний и антисоветских мятежей. Массовыми были случаи вооруженного бандитизма, расправ с партийными и советскими работниками. К этому необходимо добавить чрезвычайные экономические условия: промышленные предприятия бездействовали, транспорт был разрушен, сельское хозяйство находилось в упадке [6].

В деятельности женотделов Енисейской губернии можно выделить два этапа. Этап становления — от создания в 1921 г. до XIII съезда партии в 1924 г., после которого местные партийные организации начали оказывать женотделам серьезную поддержку. Вторым этапом, который можно определить как период их основной работы, завершился 5 января 1930 г., когда постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)» женотделы были ликвидированы. Агитационно-пропагандистская деятельность среди женщин должна была быть привязана к общим задачам государства и партии, а не отдельным женским интересам. Таким образом, создание женотделов в Енисейской губернии началось позднее, чем в губерниях европейской части государства. В восточных районах страны Гражданская война закончилась позже и установление советской власти растянулось на более длительный срок. К примеру, на Дальнем Востоке женотделы начали свою работу лишь в 1922—1923 гг. [2].

После создания женотделов важной проблемой стал вопрос о кадрах для работы в них. В марте 1921 г. Енисейским губженотделом были открыты краткосрочные курсы для подготовки работников среди женщин. Однако той подготовки, которую давали курсы, оказалось недостаточно. Было принято решение направлять сотрудников женотделов на переобучение в губернскую и уездные партийные школы. До 1925 г. в губернии не существовало системы подготовки волостных и районных организаторов [1, ф. П-4, оп. 1, д. 172, л. 8 об.].

Ситуацию усугублял тот факт, что оплачиваемых ставок для сотрудников женотделов было очень мало, им приходилось официально трудоустроиваться и получать зарплату из других ведомств. Переход к нэпу тяжело отразился на работе женотделов: шло повсеместное сокращение штатов. Из-за нехватки сотрудников в начале 1922 г. пришлось произвести слияние Енисейского губернского и Красноярского городского женотделов. Делегатки для работы в советских учреждениях не выдвигались. Работа среди крестьянок в связи с болезненно проходящей продналоговой кампанией не велась. За отсутствием средств не осуществлялась даже агитационная работа [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 248, л. 9—10; д. 960, л. 36—38].

В апреле 1922 г. на губернском совещании заведующих уездными отделами по работе среди женщин Енисейской губернии секретарь Енисейского губернского женотдела А. Городович отмечала в докладе, что не было связи с Сибженотделом, из него не поступало на места никаких указаний, все по той же причине — отсутствие сотрудников [там же, д. 410, л. 64 об.].

Вторая серьезная сложность начального этапа работы заключалась в том, что женотделы столкнулись с патриархальными предрассудками партийной мужской элиты. Они встретили отказ от сотрудничества со стороны уездных и губернских комитетов РКП(б). На заседании коллегии губженотдела при Енисейском губкоме РКП 17 января 1922 г. заведующие уездными женотделами отмечали, что столкнулись с отношением к себе как к «пустому ненужному месту в парторганизации»: «Дана заведующая, есть инструктор, и дело с концом, а что там они творят, это совсем не интересует губком. Не сделай заведующая доклада, никто и не поинтересуется жизнью женотдела. Сама собой является мысль о ликвидации женотделов совсем, чем такое дискредитирование этой работы и ненужность женотделов, которые губкомы имеют для счета, так как это ставилось во всероссийском масштабе» [там же, д. 245, л. 3 об.].

По итогам III Краевого Сибирского совещания заведующих женотделами в Новосибирске в 1924 г. секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) С. В. Коссиор отметил слабую работу женотделов среди крестьянок и работниц Сибири. Причину он видел именно в том, что партийные органы лишь наблюдали за работой женотделов, не оказывая им помощи. Перелом наступил в мае 1924 г., когда XIII съезд партии обратил специальное внимание на тот факт, что члены партии не принимали участия в работе женотделов. Партийные организации должны были более серьезно подойти к этому вопросу, организационные и агитационно-пропагандистские отделы РКП(б) должны были взять на себя часть обязанностей женотделов и разгрузить таким образом их сотрудников [там же, ф. П-4, оп. 1, д. 398, л. 56—62].

Основная деятельность женотделов должна была проходить среди работниц промышленных предприятий. К каждой группе работниц прикреплялся организатор, который привлекал женщин к политико-просветительной работе, профессионально-техническому образованию, вовлекал их в работу делегатских собраний, фабзавкомов, кооперативов и прочих советских организаций. Важную роль в повышении самосознания женщин сыграла система выборов и работы делегатов. Работницы выбирали из своих рядов делегатку на определенный срок (3—6 месяцев, 1 год). Делегатки работали практикантками-наблюдателями на предприятиях, в профсоюзах, школах, больницах, детских учреждениях и т. д. По итогам работы делали доклады на очередной конференции или съезде, организуемом женотделом [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 407, л. 116—117]. Работой среди крестьянок руководили районные женотделы. Волостной организатор привлекал крестьянок к участию во всех проводимых советской властью ударных кампаниях, культурно-просветительной работе совместно с отделом народного образования, политпросветом и др. [там же, д. 406, л. 50—52].

В 1920-х гг. Енисейская губерния оставалась аграрной, 90 % населения проживало в сельской местности [8]. Крупные промышленные предприятия отсутствовали, численность женщин-работниц была крайне низкой. Из-за тяжелого материального положения женщины, в том числе делегатки, работали на заводах в две-три смены. Многодетные работницы не имели возможности водить детей в ясли и детские сады по причине их отсутствия. Кроме того,

важным источником материального обеспечения для семей городских рабочих и служащих было подсобное хозяйство, основная нагрузка по ведению которого также ложилась на женщину. Словом, женотделам было чрезвычайно сложно собирать работниц на конференции и давать им общественные поручения.

При работе с крестьянками женотделы сталкивались с еще большим количеством препятствий. Во-первых, крестьяне воспринимали советскую власть по большей части враждебно из-за ее первых экономических декретов (хлебная монополия и продразверстка, запрет частной торговли и др.).

Во-вторых, сложно было изменить взгляды сельского населения на традиционное распределение гендерных ролей, согласно которым именно мужчина представлял семью на сельском сходе и перед государством. В селах, где единственным культурным центром была школа, преобладали религиозные настроения, было распространено бытовое пьянство, новые женские общественные инициативы встречались с удивлением, насмешкой и осуждением, особенно со стороны мужской части населения. В своих отчетах сотрудники женотделов отмечали: «Часто приходилось слышать жалобы крестьянок-делегаток, что над ними смеются, дразнят их “делегатками комиссаршами”, ругают прямо площадными словами, таких случаев немало, их необходимо как-то ликвидировать. Если делегатка обращается с жалобой такого рода в сельсовет или, были случаи, в ячейку, то в большинстве случаев на них никто не обращает внимания, а это часто рождает недовольство и распад делегатского собрания» [1, ф. П-1, оп. 1, д. 819, л. 100].

Как справедливо отмечала газета «Красная сибирячка» в 1925 г., «нужны годы энергичной работы для борьбы с неграмотностью, для поднятия культурного состояния населения, и в особенности крестьянства, чтобы разрушить старую психологию, старый взгляд на женщину и дать возможность работнице и крестьянке широко использовать свои права и принять активное участие в строительстве новой жизни» [5, с. 2].

В-третьих, ритм и течение сельской жизни определялись циклом сельскохозяйственных работ. Летом в деревне наступало «мертвое затишье»: все были заняты на полевых и огородных работах, ходили в лес собирать грибы и ягоды.

Иными словами, на первом этапе своей деятельности женотделам не удалось наладить работу на постоянной основе в сельской местности, сделать ее системной.

Первоначально основные направления деятельности женотделов не были четко определены, они просто подключались к решению самых острых, неотложных проблем, стоявших перед страной и партией.

В 1921—1922 гг. Енисейская губерния принимала беженцев и переселенцев из голодающего Поволжья. Главным направлением работы женотделов стала борьба с голодом. Представительницы Енисейского губженотдела входили в губпомгол и упомголы, организовывали сбор хлеба в пользу голодающих, принимали участие в организации помощи детям, прибывавшим в Сибирь из голодающих губерний, в борьбе с детской беспризорностью, проституцией, развившейся среди беженок, в кампании по борьбе с эпидемией сыпного и возвратного тифа в 1922 г. [1, ф. П-4, оп. 1, д. 172, л. 8 об.].

Женотделы сотрудничали с местными отделами и подотделами охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения. Состояние детских учреждений в губернии было чрезвычайно тяжелым: они были переполнены, не хватало пайков, как для детей, так и для персонала, и др. Женотделы проводили контрольные обследования детских домов, собирали пожертвования в пользу детей, организовывали «недели охраны материнства и детства», принимали участие в организации передвижных консультаций для женщин, врачебно-питательных пунктов, яслей и др.

Еще одно направление работы женотделов в начале 1920-х гг. — вовлечение женщин в кооперацию. Советская власть надеялась, что кооперация станет инструментом снабжения крестьянского населения товарами широкого потребления и промысловыми орудиями. Кроме того, кооперация должна была решить и социальные проблемы села. Женщины, участвуя в кооперации, должны были добиваться строительства детдомов, детсадов, яслей, общественных хлебопекарен, столовых. Однако единственное, что удалось сделать в этом направлении, это создать при местных кооперативах материальный фонд «Мать и дитя», в который направлялись средства от реализации добровольных натуральных пожертвований крестьян [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 599, л. 59—61].

Циркуляром Народного комиссариата социального обеспечения от 15 февраля 1922 г. агитаторам по работе среди женщин от губернских, уездных и областных отделов социального обеспечения вменялось в обязанность подготовить наиболее активных делегатов из семей красноармейцев и выдвигать их в состав комитетов общественной взаимопомощи при выборах на сельских сходах [там же, д. 407, л. 49]. Функции комитетов заключались в оказании поддержки бедняцкому населению, престарелым, семьям красноармейцев. Средства формировались из самообложения крестьянского населения, общественной запашки, поступления выморочного имущества. В состав комитетов взаимопомощи (как и в состав сельских советов, кооперативов) входили зажиточные крестьяне, которые не были склонны поддерживать бедные хозяйства. Участие крестьянок в работе комитетов взаимопомощи было скромным. Под давлением властей в состав комитетов крестьянок вводили, но на заседания их не приглашали, числились они там формально [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 396, л. 129].

Работа среди женщин — представительниц национальных меньшинств велась по следующим направлениям: выделение делегатов на волостные, уездные и губернские женские конференции, организация секции нацменьшинств при делегатских собраниях, ликвидация неграмотности. Работа велась в местах расселения национальных меньшинств по уездам: среди татарок — в Канском и Красноярском, эстонок — в Минусинском, Канском, Красноярском, латышек — в Енисейском, Канском, Ачинском, Красноярском. Из-за отсутствия сотрудников, владеющих языками этих народов, фактически женотделы работали лишь с татарками [там же, д. 306, л. 129 об.].

С переходом к нэпу важным направлением работы женотделов в губерниях европейской части страны стала борьба с женской безработицей и проституцией. Но в Енисейской губернии промышленных предприятий с большим числом работниц не было, безработица затронула в основном женщин, зани-

мавшихся неквалифицированным трудом, и канцелярских служащих. Женотделы губернии в отчетах о своей деятельности по данному направлению ограничивались обычно констатацией того факта, что с безработицей необходимо бороться, а также несколькими попытками организовать швейные, прачечные и другие артели безработных женщин. Все артели оказались нежизнеспособными, т. к. требовали вложения немалых средств [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 248, л. 15 об.]. Большого всплеска проституции местные власти также не фиксировали. Явное занятие проституцией преследовалось административными мерами [там же, д. 596, л. 7—10].

Результаты работы женотделов Енисейской губернии за первые годы были малозначимыми. Представление об этом дает отчетная документация. В феврале 1923 г. отдел работниц Красноярского губкома РКП(б) получил из Сиботдела замечания о работе, проделанной за предыдущий год, за подписью секретаря А. Завьяловой. Она отмечала, что вместо специальной программы, разработанной Сиботделом, на делегатских собраниях в губернии использовалась программа работы кружков коммунисток. В уездных городах заседания проводились вовсе не по программе, повестки дня носили случайный характер. В области агитационной пропаганды за два месяца — апрель и май 1922 г. — была прочитана лишь одна лекция на тему «Омолаживание человека». А. Завьялова оценила тему как далекую от интересов работницы. Коммунистки к работе женотделов не привлекались. Работа в деревне была поставлена значительно слабее, чем в городе: летом она практически не проводилась, не были организованы ясли или детские площадки, женщины не работали в сельсоветах, крестьянок не удалось вовлечь в комитеты взаимопомощи, кооперативы. В заключение Завьялова отметила: «Просматривая ваш отчет, посланный губкомом, мы видим, что о вашей работе ничего, кроме общих фраз, там не имеется, да и их очень мало, это дает возможность заключить, что работы среди женщин у вас совсем нет» [там же, д. 407, л. 174—176].

Таким образом, на первом этапе перед женотделами Енисейской губернии был поставлен очень широкий спектр задач. Однако для решения этих задач у женотделов не было кадров, денежных средств, их полномочия то были не вполне ясны, то пересекались с другими инстанциями, а деятельность встречала сопротивление со стороны населения. Работа проводилась нерегулярно, в основном в форме волостных и районных конференций. Общественная активность женщин оставалась слабой.

На втором этапе изменились социально-экономические условия деятельности женотделов: закончилась Гражданская война, остался в прошлом голод. Материальные, организационные, кадровые и другие проблемы существовали уже не в такой обостренной форме, как прежде. Посредством агитационно-просветительской работы преодолевалась общая и политическая неграмотность женщин. На конференциях, собраниях, съездах обсуждались вопросы, затрагивающие политические, социальные, внутриэкономические и внешнеэкономические события в стране и мире. Женотделы защищали интересы женщин, помогали справляться с их повседневными бытовыми проблемами в семье и на производстве. Делегатки учились на сельскохозяйственных

курсах и в кружках, начали работать в комитетах взаимопомощи и кооперативах, избирались в фабзавкомы, состояли в разнообразных общественных объединениях («Долой неграмотность», МОПР, Авиахим и др.), работали корреспондентками в газетах, вступали в РКП(б). Женотделы привлекались к решению многих проблем, связанных с положением женщин и детей: «Реальная помощь в этом случае чаще всего заключалась в будировании данных вопросов на заседаниях укомов, которые зачастую упускали из виду “детские” и “материнские” проблемы» [9, с. 38]. По их инициативе и при активном участии в губернии открывались детские сады, летние площадки, ясли, консультации для женщин по правовым, медицинским вопросам и др.

Женотдел станции Клюквенной Транссибирской магистрали
в клубе Ильича, 1928 г.
(Музей истории Красноярской железной дороги)

Сельскохозяйственный статус Енисейской губернии predetermined тот факт, что женотделы работали в основном с крестьянками, а не с работницами. Сибирское крестьянство в подавляющей массе сохраняло черты патриархальности в сфере быта, культуры с такими характеристиками, как безграмотность, религиозность, пассивность, аполитичность. Отношение к работающей на производстве или социально-активной женщине менялось крайне медленно и в основном среди городских жителей. И мужчины и женщины по-прежнему поддерживали традиционные взгляды на роль женщины как хозяйки дома, матери, ее исключенность из публичной сферы деятельности. Важным обстоятельством был тот факт, что государственная политика решения женского вопроса имела во многом декларативный характер, т. к. проводилась без выделения достаточных материальных ресурсов, при отсутствии кадров и социальной инфраструктуры. И тем не менее они оказали серьезное воздействие на изменение потребностей, самовосприятия и самооценки сибирячек. Результаты работы женотделов по повышению общеобразовательного и культурного уровня женщин, развитию их политической, социальной и экономической активности имели отсроченный характер.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края.
2. *Коваленко С. В.* Советский вариант эмансипации женщин на Дальнем Востоке России в 20—30-х гг. XX в. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2006. № 6. С. 138—143.
3. *Козлова Н. Н.* Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 38—42.
4. *Коллонтай А. М.* Задачи отделов по работе среди женщин // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М. : Политиздат, 1972. С. 310—315.
5. Красная сибирячка. 1925. № 8. С. 2—4.
6. Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету труда и обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск : Гос. тип., 1922. 333 с.
7. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.
8. Статистический бюллетень. 1926. № 4 (март — апрель). Новосибирск : Сиб. краев. стат. упр., 1926. 68 с.
9. *Холина М. В.* Изменения в повседневной жизни женщин в 1920-е гг. : (на материалах малых городов Красноярского края) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2010. № 1. С. 36—43.
10. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 554 с.
11. *Wood E.* The Baba and the Comrade : Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington : Indiana University Press, 1997. 318 p.

ББК 63.3(2)61-284.3-76

И. К. Высотских

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
В УДМУРТИИ В 1920-х гг.**

В первое десятилетие существования советской власти происходит процесс активизации благотворительной деятельности, что было обусловлено социально-экономическим кризисом, вызванным Гражданской войной, военным коммунизмом, голодом и его последствиями. Взяв социальную сферу под свой контроль, государство не имело материальных и финансовых возможностей справиться с социальными проблемами, в частности с проблемой голода и беспризорности. Только совместные усилия государственных структур и общества, скоординированность их действий в вопросах оказания социальной помощи нуждающимся могли преодолеть трудности послевоенного периода. Осознавая неспособность самостоятельно справиться с социальными катаклизмами на этом этапе, Советское государство становится инициатором благотворительной деятельности, морально поощряя любое, даже незначительное